

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА ЧЕРЕЗ КОНЦЕПТ-НАЗВАНИЕ (В.П. АСТАФЬЕВ «ВЕЧЕРНИЕ РАЗДУМЬЯ»)

В качестве основной единицы смысловой структуры текста принято рассматривать **концептуально значимый смысл** [2], «речевой смысл» [3], «актуальный смысл» [3, 4], то есть такой смысл, который непосредственно соотносится с концепцией (содержанием) текста в целом. Концепция - система представлений, идей, пронизанная личностным началом, субъективным видением мира, следовательно, это фрагмент языковой картины мира личности, фрагмент ее концептосферы (совокупности концептов). Экспликатом в языке концептуальной картины мира является слово-концепт. С точки зрения языка, концепт-инвариант языковых форм выражения понятия имеет полевую структуру, значение концепта включает в себя семантику лексических единиц, принадлежащих к определенному лексико-семантическому полю (ЛСП) (в этом случае инвариантность предполагает синхронность) [5, 6].

Под концептуальным мы понимаем анализ, объектом которого является концепт. К числу методик концептуального анализа относятся словарные толкования языковых единиц, толкования их речевых контекстов (семно-семемный, или компонентный, анализ); интерпретация схем, фреймов, сценариев, образов, символов как концептуальных форм (стратегий и тактик их создания и декодирования); интерпретация ассоциативного пространства; сравнение содержания концептов в тезаурусе разных языковых личностей, в разных культурах; сравнения ядерного (национального) и индивидуального содержания концепта в тезаурусе отдельной языковой личности; исследование ценностных (модальных) коннотаций и мотивационно-грамматических установок. Особого внимания на начальном этапе анализа текстовых концептуальных структур, ассоциированных с каким-либо словом [7. С.27], требуют текстовые лексико-грамматические группы, разворачивающиеся вокруг имени концепта как центра субъективного «конденсата смысла» [8. С.96] и дающие возможность восстановить некоторый «узел» в тезаурусе личности и соответствующий ему фрагмент индивидуальной картины мира. Однако авторский концепт как таковой стоит за целым произведением: «...определенная концепция мира может *скрываться, угадываться* и за афоризмом, но она в нем *не явлена, не выражена*; для того чтобы представить эту концепцию в явной форме, необходим текст» [2. С.74]. Текст презентует как отдельный концепт, так и концептосферу языковой личности. Концептуальная структура текста в ее тезаурусном представлении включает лишь элементы композиции, находящиеся в сильной позиции, выделяющиеся на фоне ментального пространства текста (рематическая позиция, позиция повтора и др.) Нередко сильные позиции являются одновременно автосемантическими и так же, как автосемантические отрезки, они тяготеют к началу и концу текста. По существу, можно назвать только один текстовый знак, который присущ всем текстам, навсегда занимает в них одно и то же место, образуя сильную позицию, **заголовок** [9. С.59]. Начало текста и заголовок - точка отсчета понятийного цикла и потому предмет особого внимания, **ключ к концептуальной структуре произведения**.

Представим фрагмент анализа концептуальной структуры текста на примере заключительной главы книги В. Астафьева «Последний поклон» - «Вечерние раздумья».

Концепт-название выражен композитом, сложным знаком. Значение комплексного знака представлено в композиции концептуальной структуры текста, которая, в свою очередь, порождает композиционную семантику указанного комплексного знака. Таким образом, процесс семантического и концептуального наполнения заголовка и текстового содержания двунаправленный, взаимозависимый. Проекция смысла также взаимонаправленная: сверху вниз, с заглавия на текстовое пространство (в его концептуальной структуре), и снизу вверх (текстовое концептуальное содержание фокусируется в концепте-заглавии).

Раздумье, -я. 1. к Раздумывать в значении *Много, напряженно думать, размышлять*. 2. Состояние размышления, погруженности в свои мысли. 3. **Мысли, думы** [10. С.1069].

Итак, первый компонент концептуального значения заглавия: *итоговые мысли, думы; итог напряженных и длительных размышлений*.

Вечерний 1. Часть суток по окончании дня до наступления ночи. *Вечер жизни* (книжн. о старости) [10. С.123].

В концепте-словосочетании выделяется несколько компонентов:

Вечерние размышления: 1) состояние в вечернюю пору (часть суток): «*В первые годы, когда в селе моем жило и было еще много гробовозов и оно не превратилось в пригородных дачных поселков, я любил поздним вечером, «после телевизору», пройти по спящим улицам, сделать круг, посмотреть, повспоминать, подумать, подвести итоги жизни вот этого села, в котором от былого скоро останется лишь назва-*

ние»; 2) последние (по окончании жизни, перед смертью; под закат жизни): *«от бывшего скоро останется одно лишь название», «доживать», «заканчивать», «настало время ставить точку»*; 3) итоговые, обобщающие (*«подумать, подвести итоги жизни»*), **«заключительная»** глава книги *«Последний поклон»*, окончание); 4) воспоминания на склоне жизни о прошлом (*«повспоминать»*) (*«Чем короче память, тем длиннее жизнь, говорит пословица. Иначе - чем длиннее будущее, тем короче память»* И. Бродский [11]).

Сильную позицию концептуальной структуры текста занимает, кроме заголовка, подзаголовок (**«Заключительная глава»** книги *«Последний поклон»*). **Окончание** - итоговое воспоминание; в памяти - последнее слово благодарности детству) и эпиграф. Значима смена эпиграфа.

Но когда-то я ставил к первому изданию «Последнего поклона» эпиграф из стихов замечательного поэта Кайсына Кулиева: «Мир детства, с ним навечно расставанье, назад ни тропок нету, ни следа, тот мир далек, и лишь воспоминанья все чаще возвращают нас туда.»*

Однако и воспоминания иссякают. Так, какие-то вспыхивают далеких зарниц, отголоски прошлого, печаль о прожитом и пережитом еще достигнут в этом дерганом, шумном и суетном пути, по ним, по этим озвученным памятью дальним звукам, всколыхнется, воскреснет что-то, и «недаром мне вздохалось сладко в Сибири, в чистой стороне, где доверительно и слабо растенья пикнули ко мне «. Да, верно, еще вздохалось, еще пикнули растенья, люди, песни, воспоминания, и написал я здесь, уже в родной деревне, несколько глав, прежде бы не утратив звука и строя повести, но почувствовал тогда же: книгу пора заканчивать, надо жить дальше или доживать и перелистывать другие страницы, в этой же книге настало время ставить точку.

А жизнь последнюю главу, слово в утасяющей костер, все подбрасывает и подбрасывает хворосту. Таково свойство ее, жизни; и материалу - только в записях, письмах, документах, воспоминаниях моих читателей - накопилось, пожалуй, на целую книгу, но, вероятно и скорей всего, - на книгу совсем другую.

Эпиграф из К. Кулиева выражает отношение - эмоциональное состояние светлой грусти, печали о прожитом и перенесенном. Новый эпиграф из А. Солженицына - другое модально-оценочное значение: *«Но хаос, однажды выбранный, хаос застывший, - есть уже система»*. Авторский концепт-отношение - «хаос», хаос как система жизни, которую оценивает, описывает автор (семы *безнадежность, бесперспективность*). Первое этапное, ключевое предложение (ЭП) содержит дериваты *возвратился* и *возвращение* и синонимы *прошлое-детство*, гипонимы *родина-Овсянка-родной переулочек*:

«Прошло одиннадцать лет, как я возвратился на родину, купил избу в Овсянке, в родном переулочке, против бабушкиного и дедушкиного дома, и стал ждать, чего ждут и не могут дожидаться многие люди, - возвращение прошлого, прежде всего детства».

Приставка «воз» («вос») имеет в русском языке несколько значений [3. С.177-178]. Для нас в данном случае важны значения 1) «совершить ответное или повторное действие (*возвращение, возвратиться, возобновить, воскресить, восстановить, возродить, воскреснет*); 2) «направление движения вверх» (*восходить, возвышение, вознесение*). В совмещении этих значений «воз» предполагает как бы круговой ход, возвращательно-поступательное движение. *Воспоминание* - восстановление того, что предшествует сознанию и делает его возможным, одновременно восхождение сознания на новую ступень, *«чего ждут и не могут дожидаться многие люди»*.

В этом случае объем понятия *возвращение* включает множество событий, характеризуемое существенными и отличительными признаками, - *движение в обратном направлении, к исходной точке движения: на родину, в Овсянку, в родной переулочек, в избу против бабушкиного и дедушкиного дома; прошлое, детство, вспыхивание далеких зарниц, отголоски прошлого, печаль о прожитом и пережитом*. Итак, *возвращение* есть движение.

Пространственные координаты совпадают с временными, возвращение в прошлое, в детство, в Овсянку, *«сделать круг»*: прошлое-настоящее-будущее-прошлое. Между прошлым и настоящим - жизнь, *«дерганый, шумный и суетный путь»* (эмоциональная оценка); прошлое - эмоционально-оценочная сема *печаль* и сема-отношение *пора заканчивать, настало время ставить точку, иссякают, так, какие-то вспыхивают далеких зарниц, отголоски*), модальность необходимости; будущее-модальность должествования и выбора (*надо жить дальше или доживать*).

Дешифровка концептуальной структуры текста на пропозициональном уровне опирается на номинативные лексические единицы (*возвращение и воспоминание*). Объему понятия *возвращение* противопоставлен периферийный признак, логически невыводимый из его содержания, *-мысленное, воображаемое движение в обратном направлении, к исходной точке, движение к истокам своих воспоминаний*. Содержание понятия *воспоминание* эксплицируется в тексте в парадигматической группе слов с общей семой «вспыхивание»: *всколыхнет, вспыхивает* (один словообразовательный тип); *воскреснет, вспыхивают зарницы*.

Значением слова *воспоминание* является «воспроизведение прежнего опыта, хранящегося в памяти». Смысл слова представлен и в континуальной системе оценочных текстовых значений: *вздохалось, пикнули, жизнь подбрасывает хворосту, иссякают*. Объем понятия превосходит его содержание, кроме как в оценочных, в следующих признаках: зрительный поиск, узнавание предметов (*пройти по спящим улицам, сделать круг, посмотреть*), провоцирующих мысленное представление прежних впечатлений в воображении и воссоздание образа

* «...самые сильнейшие и влияющие воспоминания почти всегда те, которые остаются из детства» Ф. Достоевский [12. С.44]

прошлого в настоящем (*повспоминать*) для осмысления его содержания, смысла, значения (*раздумья, подумывать, подвести итоги*). Таким образом, концептуальную структуру воспоминаний можно квалифицировать как гештальт -концептуальную структуру, целостный образ, который совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности.

Понятия *возвращение* и *воспоминание* постулируют два возможных мира, которые существуют в разнонаправленных временных потоках и пересекаются в некой точке. Этого пересечения «надо ждать» (*память-ожидание-вспышка(и)*): « стал ждать, чего жддут и не могут дожждаться многие люди». Концепт *возвращение* содержит представление о необратимом времени, направляемом из прошлого в будущее. Другой поток дискретного, обратимого времени движется навстречу - из будущего в прошлое, делая возможным обратную последовательность событий - *воспоминание*. «Ибо время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии» (И. Бродский). Точкой пересечения обратимого и необратимого времени оказывается настоящее субъекта наблюдения, подобное пространству, поскольку по нему можно перемещаться в прошлое, настоящее или будущее [14, 15]. Миры *возвращение* и *воспоминание* существуют в единой пространственной (*Овсянка*), но - разных временных модальностях: *тогда* и *теперь*. *Тогда*-детство описано с нежностью, *Настоящее* - с презрением, безнадежностью, иронией. См.:

Село Овсянка населено каким-то праздным, вялым людом. Здесь триста душ пенсионеров, столько же шатучих, ни к какой насленно берегу не прибавившихся людей. Какое-то непривычное, скудное, потаенное население обретается в Овсянке, оно где-то работает, куда-то ездит, бьется как рыба об лед, ни прибыли от него, ни надежды: пашен нет, зашмок тоже нет, на все село несколько десятков голов скота, но и тот пасти некому и негде - вся земля поделена и разгорожена на дачные клочки. На фокинском улусе, откуда давным-давно ушел в леса и не вернулся маленький мальчик в белой рубашке, престижные люди строят престижные дачи. Зябка ежась, вечером лениво пробредет по селу стайка неприкаянных, нарядно одетых девчонок, окончивших школу и нигде не пристроившихся. Промчатся по улице молодые мотоциклисты, ряженные под иностранных киногероев, выпугнут собак, и те погавкают по дворам да и уснут. Ни гармошки за селом, ни пляса на деревенском мосту, ни гуляний, ни песен почти до рассвета, когда остается до выезда на пашню час-другой поспать.

«Милый мой, а я твоя, укрой полость, замерзла я». Неужели здесь, на этой земле, на улице этого угрюмо настороженного села, я слышал такие складные слова и был поражен нежностью, в них воспеваемой? Какие же залежи тепла, любви, добра, светлости таились под грубой крестьянской кожей, под той самой полостью полушубка своеобразной выделки и пошива. Неужели несли эти чудные слова одной из злых старух одному из этих ко всему и к себе тоже равнодушных стариков? Боже, Боже! Что есть жизнь? И что с нами произошло? Куда мы делись? В какие пределы улетучились, не вознеслись, не уехали, не уплыли, а именно улетучились? Куда делась наша добрая душа? Где она запропастилась-то?» [1. С.26-27].

Выделенные слова содержат сему с отрицательной коннотацией, отрицательную оценку, имеют семантику неопределенности, безнадежности (идеал - в прошлом, национальный идеал - *добрая душа*).

«Детская память, - пишет писатель, - конечно же колодец, и колодец со светлой водой, в которой отражается не только небо, не только все самое яркое, но прежде всего поразившее воображение» [1. С.15]. В результате сопоставления словарных дефиниций [16, 17] обнаруживается связь воображения и памяти. Если «воображать» - «представлять себе мысленно», то «вспоминать» - это тоже «представлять себе мысленно», но с добавлением дифференциальных конкретизирующих сем «прошлое» и «пережитое». Концепт «память» является как бы частным проявлением более общего концепта «воображение». Наиболее ярко это прослеживается в словаре В.И. Даля, так как именно в нем отчетливо проявляется синтетическая природа «воображения». Современные словари фиксируют увеличение расхождения в семантике рассматриваемых концептов. Кроме того, В.И. Даль прямо указывает на то, что значение глагола «вспомнить» - это одна из нескольких составляющих значения слова «вообразить» (чего нет в современных словарях): «представлять» = «живописать воображением» = «привести... на память» (т.е. вспомнить). Подобное толкование соответствует особенностям наиболее употребительных контекстов соответствующих слов. В ряде случаев существительные «память» и «воображение», глаголы «вспоминать» и «воображать» синонимизируются [18, 19].

«Самые яркие страницы жизни села» грустные: пьянство, жестокость, тюрьма, в которой сидели родственники, бесправие, беззаконие, предательство, отступничество от веры, пренебрежение к живому, к природе, «подлое русское тупое терпенье», покорность.

Будущее тревожно, но автор всматривается в него с безнадежностью и надеждой одновременно: *«надо жить дальше или доживать»*; финальная позиция: *«Вот на вере в чудо, способное потушить пожар, успокоить мертвых во гробе и обнадежить живых, я и закончу эту книгу, сказав в заключение от имени своего и вашего. «Боже праведный, подаривший нам этот мир и жизнь нашу, спаси и сохрани нас!» [1. С.30]* (модальность волеизъявления, мольбы). Авторская позиция: *«Бог и надежда»*- это то, что с человеком **всегда**.

Все ключевые и тематические слова в структуре пропозиций, сюжетные и композиционные средства связаны с ключевым концептом памяти, ключевым не только для рассматриваемой нами главы, но и для всей книги «Последний поклон», для творчества В. Астафьева, для исповедальной прозы в целом. Обладая огромной концен-

трацией смысла, концепт является привлекающим центром, к которому стремятся модальные траектории стилистических приемов, сюжета и композиции. Дидро, в частности, считал, что самосознание проистекает из такой способности души, как память [20, С.12]. *Вечерние раздумья о чем! О жизни села, «итоги жизни вот этого села», «какую же память оставляет за собой мое родное село?»*. Итоги неутешительные:

Из Овсянки вышли академик, два майора и один полковник, несколько приличных учителей и врачей, два-три инженера, много шоферов, трактористов, мотористов, механиков, три-четыре пары мастеровых людей и много-много солдат, polegших на дальней стороне. Но сколько же оно породило за мой только век убийц, шпаны, хулиганья, воров, стяжателей, клязнуков, сплетников и просто людей недобрых, кроме зла ничего на земле не сделавших и не оставивших... Много, слишком много, чтобы говорить о разумном смысле человеческой жизни. Люди в моем селе не столько жили, сколько мучились и мучили. Тропа народная с котомками в город и из города так до сих пор и не заросла, потому как камениста она да и полита солеными горькими слезами, на которых далее трава не растет.

Какую же память оставляет за собой мое родное село? Чего и кого оно помнит?

Никого и ничего, кроме близкого горя, оно не ведает [1. С.6].*

Концептуален повтор отрицательных слов (*никого, ничего, ни, нет*) и вопросительных слов (*откуда, кто, как, почему*). См. также финальную позицию:

Ездят по сибирской земле литовцы, латыши, эстонцы, выкапывают из могил родных, погубленных в чудовищных ссылках, и увозят их останки на родину. А куда свозить нам, россиянам, прах наших мучеников, коли вся Россия - кладбище?...» [1. С.30].

Собака без породы - символ людей, лишенных памяти (ср. манкурты - Ч. Айтматов «И дольше века длится день»; «Забыв о своем славном прошлом, народ обращается в толпу оборванцев, жаждущих лишь набить свое брюхо», В. Солоухин). В концепции А. Бергсона память делится на память тела и память духа. Память предстает как синтез разума («разумное понимание») и души («усвоение духовных и нравственных истин») [21]. Символ эксплицируется в тексте и в ментальном пространстве, локализуя действие стилистических приемов и соотносящем предметы и события, принадлежащие к различным возможным мирам в отношениях метонимии, гиперболии, метафоры.

В концептуальную структуру текста, заданную концептом-названием, входят метафоры: *жизнь-книга* («книгу пора заканчивать, надо жить дальше или доживать и перелистывать другие страницы, в этой же книге настало время ставить точку»); *память-костер* («А жизнь в последнюю главу, словно в угасающий костер, все подбрасывает и подбрасывает хворосту»), метонимический перенос *жизнь - время — хворост — костер* (смежность), концепт *судьба* («не живи, как душа просит, а живи, как судьба велит»).

Итак, заглавный концепт «Вечерние раздумья» организует структуру текста со следующими концептуальными центрами *воспоминание, возвращение, память, ожидание, костер, воскрешение, жизнь, итоги жизни, судьба, надежда, Бог* - и синтагматическим распространением *мысли, думы о пьянстве, жестокости, бесправи, беззаконии, предательстве, безбожии, пренебрежении к живому, истории, памяти, о тупом терпении и покорности*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьев В. Вечерние раздумья. Заключительная глава книги «Последний поклон». Окончание / В.Астафьев // Новый мир. - 1992. - №3. - С.6-31.
2. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.) / М.Я.Дымарский. - СПб., 1999.
3. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В.Бондаренко. - Л., 1978.
4. Долинин К.А. Интерпретация текста: (Фр. яз.): учеб. пособие для студентов / К.А.Долинин. - М., 1985.
5. Сергеева Е.В. Проблема интерпретации термина «концепт» в современной лингвистике / Е.В.Сергеева // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX в. - СПб., 1998. - С.126-129.

---

* В поссовете *нет ни летописи, ни документов, ни метрик, ни бумаг* о том, *откуда* взялось, *кто и как* основал его, *почему* так назвал. Оставшиеся еще в живых *гробовозы помнят* дедушку и бабушку *редко прадеда и прабабушку*. *Новожители не помнят, не знают и знать не хотят никого и ничего*. *Рожденные тюремной моралью «умри ты сегодня, а я завтра», они живут сегодняшним днем, с растренированной памятью, ужасающим сознанием, и только жажда наживы и поживы еще руководит их инстинктами, движет к близкой цели*. Даже собаки *повыродились*, вместо благородной труженицы лайки *бродят по улицам и переулкам трусливые, грязные чудища, в которых смешались все собачьи породы и земные эпохи*. *За сахар, за кусок послаще служат, голос дают*. *Во дворах гремят цепями, на звук шагов бросаются псы, стерегущие добро, повиснув подбородком на заплоте, храпят, слюною брызжут, сжирая тебя кровью налитыми глазами* *Иногда им удается сбегать*. *С обрывком цепи на шее, будто каторжник, рванувший из руд, пес лезет в кусты, в крапиву, чего-то там нюхает, фыркает, скалится на встречных собачонок, готовый в любую секунду перекусать их, затрепать до смерти [1. С.7].*

6. Лукин В.А. Концепт истины и слово «истина» в русском языке (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) /В.А.Лукин //Вопросы языкознания. - 1993. - №4. - С. 63-86.
7. Шенк Р. Обработка концептуальной информации /Р.Шенк. – М., 1980.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность /Ю.Н.Караулов. – М., 1987.
9. Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа: учебник для филологических специальностей вузов /В.А.Лукин. - М., 1999.
10. Большой толковый словарь русского языка /Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. - СПб., 1998.
11. Бродский И. Меньше единицы: избранные эссе /И.Бродский. - М., 1999.
12. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: избранные страницы /Ф.М.Достоевский. – М., 1989.
13. Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка /Г.П.Цыганенко. - Киев, 1982 .
14. Данн Дж. У. Серийное мироздание [фрагмент] /Дж. У. Данн //Даугава. – 1992. - №3.
15. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка /Г.А.Золотова, Н.К.Онипенко, М.Ю.Сидорова. - М., 1998.
16. Ожегов С.И. Словарь русского языка /Под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд. испр. / С.И.Ожегов. - М., 1984.
17. Толковый словарь русского языка: в 4 т./Под ред. проф. Д.Ушакова. - М., 1996.
18. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. /В.Даль. - М., 1995.
19. Шиленко Л.В. Концепт память в лексикографической обработке В.И.Даля /Л.В.Шиленко // Владимир Даль и современная филология: материалы междунард. науч. конф. 22-23 ноября 2001 г. Нижний Новгород. Т.1. - Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистич. ун-т им. Н.А.Добролюбова, 2001. – С.150-153.
20. Берестнев И. Самосознание личности в зеркале языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук /И.Берестнев. – М., 2000.
21. Дмитровская М.А. Философия памяти /М.А.Дмитровская //Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. - С. 78-85.